

— НАУКА О ДУХЕ —

АЛЕКСАНДР ШЕВЦОВ

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ О ДУХЕ

Александр Александрович Шевцов

Введение в науку о духе

Серия «Наука о духе», книга 1

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73279908

Введение в науку о духе. Книга 1. / Шевцов А. А.: Роща; Иваново; 2023

ISBN 978-5-6052123-3-1

Аннотация

Сталкиваясь с необходимостью говорить о духе, мы попадаем в самый сложный понятийный клубок. Здесь смешались в кучу народы и эпохи... Здесь противоборствуют представления разных культур и религий.

Нисколько не претендуя в этой книге на то, чтобы считать науку о духе частью естествознания, я все же думаю, что она однажды не просто обретет такое место, но еще и станет одной из ведущих наук о естестве человека и мира. Для этого придется хорошенько поработать над выявлением закономерностей того, как дух являет себя в человеческой жизни. Но это не просто по силам увлеченным людям, но и ощущается очень важным для всех людей самопознания.

Не уверен, что к их лицу можно отнести наших философов и психологов. Кажется, им, по преимуществу, подобные вещи не интересны. Но мир меняется, а с ним меняются и люди. Так что однажды наука о духе, душесловие, как ее называли у нас в старину, вернется. А вернувшись, поменяет человека и жизнь...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Шевцов

Введение в науку о духе. Книга 1

Серия Наука о духе

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РОЩА»

© Шевцов А., 2024

© Издательство «Роща», оформление, 2024

Введение

Мы пережили множество революций и переворотов. Были социальные революции, которые меняли общественный строй. Были и такие, какие называли научно-техническими. В действительности все революции есть перевороты психологические, а еще точнее, перевороты образа мира, который лежит в основе любого мировоззрения. Поэтому каждая революция вела к изменениям в мировоззрении.

О том, что происходит такая революция, обыватель чаще всего даже не подозревает. Просто у его детей в речи вдруг появляются новые словечки, а про него начинают говорить, как про отсталого, застрявшего в прошлом веке. Признаками подобных переворотов были, к примеру, отмирания некоторых наук.

Так в XVIII веке исчезла наука о красоте – каллистика. Вместо нее появилась эстетика. Тогда же вдруг растворяется, словно рассасывается, наука о духе – пневматология. Слово такое помнят, но найти хоть что-то об этой науке среди общедоступного не удастся... Дух словно бы становится не нужен, и языковеды свидетельствуют: это слово уходит из русского языка...

Оставалась надежда, что память о духе сохранится в психологии. Тем более, что под пневматологией в XVIII веке Христиан Вольф подразумевал в своей знаменитой Системе

наук именно психологию. Но через век приходит очередь и психологии.

Психологи-материалисты конца XIX – начала XX века постоянно воюют со старым способом говорить о душе. Они революционеры, поэтому они должны весь прежний мир разрушить до основания. Это значит, как говорил за полвека до них учитель Сеченова физиолог Гельмгольц, обойтись в объяснении душевной жизни человека без гипотезы души.

В этом суть научной революции! Научные революции всегда ведутся от имени бога, которого называют Прогрессом, кто бы ни прятался за этим новым именем...

Попросту: задача Прогресса выкинуть душу из психологии так, чтобы от нее следа не осталось! Есть только вещество, и все, что приписывали душе недоразвитые предки, – это работа сложной организации вещества!

Это была лишь гипотеза, высказанная французскими материалистами в XVIII веке. Гипотезой она и осталась. Доказать ее пока не смогли. Но в общественном мнении она правит. Все плохо образованные люди знают, что никакой души нет. Почему? Потому что так говорит наука, а наука – это сила. А человеку не нужна действительность, ему нужны сила и власть! С подачи Рерихов эти люди знают еще и то, что есть психическая энергия! И это тоже звучит научно...

Так вот именно упоминания душевных сил и пытались изгонять материалистические психологи из своей науки. Запретить использование слова «душа» было просто. Но как

изменить сам строй мышления и языковую картину человека, в которых все прошито и провязано так, что от души тянутся силовые нити, управляющие всей жизнью человека!

И нити эти постоянно звучали как душевные силы! Или даже силы духа! Духовные силы вызывают у правоверного психолога раздражение!

Откуда эта зараза, это проклятие взялось в психологии?

Конечно, из философии! Ну если, конечно, не брать в расчет народные представления. Да кто же это в правящем научном сообществе берет в расчет народные представления! С народом справились бы легко, просто выкинули бы из рассмотрения все, что несет этот темный и неученый сброд!

Но как выкинуть Аристотеля и Платона?!

Попробовали объявить их идеалистами и сделать идеализм враждебным учением! Долго, семьдесят лет, изгоняли идеализм из умов советской рабоче-крестьянской интеллигенции, как заблуждение буржуазной науки. Но пришли к тому, что сами сдали весь свой Союз американским идеалистам и продались за американские гранты.

Американцы правили наукой, потому что платили гранты. Кто платит, тот и заказывает научную музыку, вот в чем суть западного идеализма. Они платили, они и определяли, кто настоящие ученые. Поэтому все советские ученые хотели получить признание в западных журналах. То есть быть признанными у буржуазных идеалистов... Платон и Аристотель выжили.

А вот душа нет. И душевные силы тоже.

Поэтому мы понимаем, что дух – это суеверие, но, когда говорим о силе духа, мы все понимаем, что это такое. Если нам скажут: «Прояви силу духа!» – мы сделаем то, что требуется. Но точно знаем, что это ненаучно! Вот парадокс: нечто есть в действительности, все этим владеют по собственному опыту, но наука это не признает. Что надо менять? Действительность или науку?

Возможно, пришло время науке о духе возродиться. Хотя бы как гипотезе.

И хоть я и осознаю, что мое исследование не будет принято научным сообществом, но сам факт такого направления в научных исследованиях должен быть. Как дверь, ожидающая тех немногих, кому нужна возможность войти в мир, из которого еще не изгнали ни душу, ни дух...

Часть первая

Общие представления о духе

Глава 1

Наше исходное понятие о духе

Сталкиваясь с необходимостью говорить о духе, мы попадаем в самый сложный понятийный клубок. Здесь смешались в кучу народы и эпохи... Здесь противостоят представления разных культур и религий.

Русские представления о духе, как и славянские представления, уходят корнями в индоевропейскую древность. Однако они скрыты в глубинах русской языковой картины мира. На поверхности – представления, заимствованные из других культур.

Наибольшее влияние на наше понятие духа оказали еврейские и греческие представления, пришедшие с христианизацией.

Иудаистское понимание духа – он назывался в Библии *руах* – является правящим на идеологическом уровне, даже если не используется само слово. Но при этом исходное понятие заимствовано Библией из еврейских народных представлений, то есть из фольклора, и в этом библейские представ-

ления сходны с представлениями многих других народов.

Греческое понятие духа — он назывался тюмбс — не оказало особого влияния на наш способ мыслить. Но поскольку он очень сильно совпадает с нашим народным пониманием духа, то этого и не требовалось. Гораздо большее воздействие оказало позднее, стоическое понимание духа как пневмы, что и породило название науки о духе — Пневматологии.

Наибольшее влияние на русские представления все же оказал перевод Библии, поскольку ее переводили, а частично и писали, сначала на греческом. Библия же попыталась показать под именем святого Духа (руах) дыхание бога или его действующую силу. Греки переводили это понятие словами агио пневма, тем самым пневматология и стала наукой о духе, хотя могла бы быть наукой о дыхании. Христианской пранаямой.

Но перевод Библии на греческий подспудно совершил изменение языковой картины человека, связав Дух божий с Христом через понятия не только греческого языка, но и философии. Христос в рамках догматики был признан Логосом, или Словом бога. Как сын божий, он соседствовал или являлся единоприродным с Духом. А на уровне языка как логос он соседствовал с пневмой.

Но в рамках греческой философии логос родственен не пневме, а нусу. И вот евангельская пневма, которая при зарождении христианства была еще в определенном смысле пустым понятием, начинает освобождаться от иудаистиче-

ского содержания и всасывает в себя понятия из греческой философии, становясь умом.

В итоге мы говорим о духе божием на основе библейской догматики, а о духовной жизни – на основе греческой философии. Когда мы говорим о духовности, мы говорим именно о проявлениях нуса, называя это умственной жизнью.

Осознать эту тонкую подмену совсем не просто. Она слишком привычна, можно сказать, въелась в ткань нашего сознания. Редкие исследователи вообще ставят себе такую задачу. И, даже поставив, остаются в рамках укоренившихся понятий.

Так прекрасный петербургский востоковед Андрей Леонидович Вассоевич в книге, прямо посвященной духовности – «Духовный мир народов классического Востока» – начинает с постановки семантической задачи: «...прежде всего необходимо определить значение терминов – *духовный мир и классический Восток*» (Вассоевич, с. 13).

И приходит на основе определений разных словарей русского языка к выводу, что «*в современном русском языке прилагательному духовный присуще несколько значений: 1) связанный с внутренним, нравственным миром человека, 2) относящийся к внутренней, психической жизни человека, 3) связанный с религией, церковью, относящийся к ним, 4) относящийся к умственной деятельности, к области духа*» (т. ж., с. 15).

Сам Вассоевич в дальнейшем предпочитает говорить о

духовности как о ментальности от латинского mens (mentis) ум, мышление; образ мыслей. Именно так переводили на латынь греческое понятие мыслители первых веков, вроде Августина. И мы вынуждены будем принять, что часто при разговоре о духе и духовности нам нужно вглядываться в содержание, не доверяя словам.

Тюмбс же не нашел прямого отклика в русской культуре, хотя он живет у Гомера, он же становится основой понятия о силе духа у Платона. От него, как тюмоедис, переходит и к Аристотелю, и к стоикам, и неоплатоникам. А значит, и во всю европейскую философию. Но созданное Анаксагором понятие о нусе, как высшем уме, затмевает его.

Соответственно, оба понятия – еврейское и греческое – проникают с христианством на Русь. И становятся правящими. Но русский человек долго сопротивляется чужой вере, а потом так и остается двоеверным. Это значит, что делает русский человек так, как велит ему правящая культура, а живет и думает так, как ему велят его душа и разум, отражающийся в русском языке. Он использует еврейское понятие духа лишь в разговоре с иерархами. Греческое понятие он использует, получая научное образование. А в жизни он думает и говорит по-русски.

В нашей жизни много лжи, мы слишком легко отказываемся от своего прошлого и выдаем желательное за действительное. Но если вы хотите видеть действительность, ее надо называть настоящими именами, за которыми стоят понятия

о чем-то действительном. Настоящие имена больше похожи не на слова, а на указующий палец: это – луна! А это – сердце! А вот это – дух!

Не цитатами из ветхих книг надо доказывать свою веру, а видением и знанием того, о чем говоришь.

Дух видеть не сложно. Как и его силу. В общем, мы всегда узнаем человека, сильного духом. И даже поощряем это в людях. Но стоит нас спросить, что же мы видим и поощряем, и у нас кончаются слова. Мы видим, но не умеем говорить о таком.

С этого и придется начать нашу учебу – создать язык, чтобы говорить о духе и его силе.

Глава 2

Языковая картина человека

Исследование таких предметов, как сила, дух или сердце, чрезвычайно затруднено. Естествознание до сих пор не признало наличие ни духа, ни сердца в том народном его понимании, которое отличается от анатомического. Даже силы, несмотря на то, что они один из важнейших предметов физики, психологами и физиологами не принимаются.

Такой подход удобен, но не научен, поскольку является идеологическим требованием к научному психологу доказать, что религия – это обман. Но он правит. Поэтому опереться в этом исследовании на труды психологов или физиологов невозможно. Как, впрочем, и на труды современных русских философов. К счастью, у нас есть народные представления и взгляды великих философов прошлого.

Начнем с народных представлений. Единственный научный подход к изучению духа и сердца был сделан лингвистами. Конечно, все подобные представления изучали и этнография с антропологией. Но они всего лишь свидетельствовали о наличии этих представлений. И даже после того, как в начале прошлого века основателем американской антропологии Францем Боасом было показано, что ум первобытного человека не хуже, чем ум европейца, это не повело к изменению антропологических подходов. Они остались просто

фиксацией неких фактов.

Школа в научном смысле родилась в языкознании. Ее выводят из трудов Вильгельма фон Гумбольдта, который в работе 1836 года «О различии строения человеческих языков и его влиянии на развитие человеческого рода» говорит о том, что характер народа определяется характером его языка.

Из этого его утверждения рождается самая действенная языковая теория современного языкознания, так называемая гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, суть которой можно свести к утверждению: структура языка определяет способ познания и способность думать.

Гумбольдт при этом опирался на понятие, созданное еще Платином. Сейчас его переводят как «внутренняя форма языка». Плотин говорил о «внутреннем эйдосе» (τὸ ἐνδον εἶδος). Говорил он о нем в трактате «О прекрасном», и это именно прекрасное определяется им как внутренний эйдос. Причем таких эйдосов Плотин различает три: для тела, души и ума, выводя некую вертикаль увеличения красоты: тело прекрасно душой, душа умом, ум – первоединым благом.

Развивая представления Платина, Гумбольдт утверждает, что разные языки по своей сути являются разными способами мировидения. А отсюда оставался лишь один шаг до создания понятия о некой картины мира, в которой и сохраняется все то, что было увидено, то есть познано как окружающий мир.

Очевидно, что различные условия жизни ведут к разно-

му жизненному опыту, и потому языковые картины мира разных народов, совпадая в общем, могут значительно отличаться в деталях.

Частью языковой картины мира являются народные представления о человеке, которые могут быть названы **языковой картиной человека**.

Сам термин «языковая картина мира» (sprachliches Weltbild) был введен германским лингвистом Лео Вайсгербером. Он писал: *«Язык позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира»* (Вайсгербер, с. 51). Вайсгербер использует в названии слово *geistesbildung*, в действительности означающее дух, а не ум. Но при этом книга посвящена формам и содержаниям языка, который и рассматривается как основное проявление духа.

В России этим воззрениям европейских языковедов был придан облик систематического учения академиком Ю. Д. Апресяном. В своем основном труде «Интегральное описание языка и системная лексикография» он выделяет раздел, полностью посвященный языковой картине человека – «Образ человека по данным языка».

Работа эта явно делалась по следам былых споров о машинном переводе, поэтому она построена так, как строились работы многих структурных лингвистов второй половины прошлого века – как попытка создать основу для работы машины. Поэтому в ней звучит механический скрип процессора.

Но при этом основные мысли Апресяна дали возможность последующим поколениям лингвистов развивать науку о человеке по народным представлениям. Дух и сердце не заняли в системном описании Апресяна ведущего места в образе человека, но обойти их при этом он не смог.

Создавая «общую схему» «состава» человека, Апресян исходит из того, что *«в русской языковой картине человека он существо деятельное, выполняющее три типа действий: физические, интеллектуальные и речевые. За каждый вид деятельности отвечает своя система, которая «локализуется в определенном органе»* (Апресян, с. 352).

Сердце по Апресяну относится к седьмой системе человека, названной «эмоции»: *«У человека все эмоции локализируются в душе, сердце или груди»* (т. ж., с. 356).

Очевидно, Апресян считал душу, сердце и грудь, в сущности, одним и тем же в рамках языковой картины человека, и это вовсе не физическое сердце, как и не физическая грудь. При этом духу среди систем места не нашлось, но он неожиданно появляется чем-то надсистемным, когда делается попытка упорядочить найденные понятия:

«Названные... системы по разным признакам сближаются, а иногда даже объединяются в более крупные классы. Два наиболее крупных класса – системы, связанные преимущественно с деятельностью человеческого тела... и системы, связанные преимущественно с деятельностью человеческого духа...

С другой стороны, определенные телесные системы сближаются с определенными духовными системами, так что каждая телесная система отражается, дублируется, копируется в парной к ней духовной системе, и наоборот...

Принцип парности телесных и духовных систем прямо вытекает из характерной для наивной картины мира... и давно замеченной дихотомии “тело” – “дух”» (т. ж., с. 364).

Исходя из этого, Апресян относил к духу четыре вида человеческой деятельности: желания, мышление, эмоции и речь. Правда, в другом месте он относит все эти виды деятельности к уму, что позволяет нам предполагать, что он следует за античной традицией, тянущейся от Плотина, который говорит о духе как об уме.

Это было начало работы над русской языковой картиной человека, и потому содержало немало неточностей и слабостей. Но в последующих трудах русских лингвистов эта картина неоднократно уточнялась. Правда, для ее завершения лингвисту, видимо, потребуется помощь антрополога, поскольку на сегодняшний день в науке отсутствует сколько-нибудь полноценное описание человека. А без понимания того предмета, который описываешь, нельзя быть уверенным, что в языке относится к языковой картине человека, а что нет.

Глава 3

Уточненная картина человека

Безусловно, школа Ю. Апресяна не была единственной в России. Многие другие лингвисты, не входя в нее, вели исследования языковой картины человека. В силу этого, народные представления о том, что такое человек и как он устроен, рассматривались с разных сторон и без того механического машинного подхода, которым страдало интегральное описание Апресяна.

При этом некоторые исследователи сопоставляют русскую языковую картину с картинами других народов. Другие восстанавливают самые древние из сохранившихся народных воззрений. Третьи подходят этнографически, пытаются понять устройство человека с точки зрения возможности воздействовать на него, как это существовало в народных знахарстве или колдовстве.

Если Ю. Апресян опирался в своих исследованиях на модную в 50–60-х годах прошлого века теорию машинного перевода; другие лингвисты, к примеру В. В. Колесов или А. Д. Шмелев, выводят свои подходы из общего языкознания или из идей Гумбольдта, гипотезы Сепира-Уорфа и последующего языкознания.

Поскольку все эти исходные идеи поставили задачу найти подтверждение связи языка и разума, становится понятным,

почему, к примеру, тот же А. Шмелев исходно разграничивает понятия русской и древнееврейской картины человека:

«...для русской языковой картины мира инструментом понимания является именно ум, а не, скажем, сердце, как для древнееврейской и арамейской картины мира (это картина мира, в соответствии с которой «органом понимания» является именно сердце, представлена в текстах на русском языке – а именно в переводах Св. Писания, например: да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем – Ис. 6, 10)» (Шмелев, с. 13).

При всем уважении к Алексею Дмитриевичу Шмелеву и его заслугам перед русским языкознанием, должен отметить, что в данном отрывке он совершает ошибку доверия к переводу. Шмелев говорит о древнееврейской и арамейской картине мира, но при этом приводит не строки из Св. Писания, а их перевод на русский язык. И у него не возникает вопрос: кто решил, что в исходном тексте речь шла именно об «уразумении»? И почему переводчик подобрал именно это русское слово? Мы вынуждены исходить из доверия к переводчику, а могли бы задаться вопросом: что именно означало соответствующее слово в древнееврейском?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.